ЧЕРВЯНОЙ ДОЖДЬ.

Въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, на землѣ села Охотнаго, 12–го января нынѣшняго года, при вьюжной погодѣ, внезапно появился, въ огромномъ количествѣ червь, занимая мѣсто въ 5 верстъ длины и въ 3 ширины; мѣстные жители показываютъ, что червь выпалъ со снѣгомъ, но тамошнія вѣдомости, вѣроятно, остерегаясь ошибки, говорятъ только, что «червь этотъ былъ замѣченъ послѣ выпавшаго снѣга, на его поверхности».

Могъ ли червь этотъ родиться тутъ, на снѣгу, гдѣ его нашли, и еще на такомъ огромномъ пространствѣ, засыпавъ собою 15 квадратныхъ верстъ? Безъ сомнѣнія не могъ, насѣкомыя зимою не родятся, почему и вѣдомости къ этому извѣстію прибавляютъ, что червь весь замерзъ. Сверхъ того, червь, или правильнѣе

гусеница, какою по всей вѣроятности окажется червь этотъ, при изслѣдованіи учеными, выползаетъ изъ яичекъ своихъ крошечнымъ, иной даже едва видимымъ, и тотчасъ же требуетъ обильной пищи, для жизни и росту.

Если же червь или гусенички эти не могли родиться здѣсь, на землѣ или на снѣгу, то откуда же они взялись? Очевидно, что они упали изъ атмосферы или міроколицы нашей, изъ облаковъ или тучъ, оттуда же, откуда падалъ снѣгъ.

Но какъ они могли тамъ родиться, или откуда могли взяться? И тамъ нѣтъ пищи для нихъ, и тамъ яичкамъ ихъ неоткуда взяться; не могли же ихъ снести бабочки на воздухѣ, и въ такой высотѣ, куда онѣ сами никогда не залетаютъ? Сверхъ того, насѣкомыя, по природѣ своей, кладутъ яички свои всегда на такомъ мѣстѣ, гдѣ выводокъ тотчасъ же находитъ нужную ему пищу, и никогда, никакое насѣкомое не покинетъ своего приплода тамъ, гдѣ онъ обреченъ на вѣрную гибель.

Стало быть гусенички эти, въ томъ видѣ, какъ онѣ упали, взяты были какою либо силою съ того мѣста, гдѣ онѣ вывелись, по природѣ своей, то есть, изъ теплаго края, гдѣ 12–го января была уже весна, природа оживала и насѣкомыя находили уже свою пищу.

Какая же это можетъ быть сила, которая могла перенести по воздуху, на тысячи верстъ, цѣлую тучу червей? Очевидно, это можетъ сдѣлать только потокъ воздуха, или вѣтеръ; а какая сила могла поднять грузъ этотъ съ мѣста, съ земли, на воздухъ? Конечно тотъ же вѣтеръ, если онъ стремиться снизу вверхъ — другой подобной силы мы не знаемъ. Да когда же вѣтеръ дуетъ отвѣсно, и еще снизу кверху — вѣтры дуютъ по уровню земли, и мѣстами только, упираясь въ горы, невольно принимаютъ потокъ кверху?

Дѣло въ томъ, что говоря о простыхъ вѣтрахъ, о потокахъ воздуха отъ согрѣванья его въ одномъ мѣстѣ и остыванiи въ другомъ, разсужденье это

право, мы видимъ, что потокъ этотъ идетъ по поверхности земли, по уровню, почти какъ вода течетъ; но если устой воздуха помутится другими силами, то и потокъ можетъ принять иное направленье: эту другую силу мы видимъ въ *грозницѣ*, или, какъ ученые наши говорятъ: въ электричествѣ, которое творитъ чудеса, доселѣ еще необъясненныя. Пишущій это видѣлъ, напримѣръ, какъ молнія ошибла матроса, и, не сдѣлавъ ему никакого вреда, разорвала только одежду его на груди, расплавивъ одну мѣдную пуговицу такъ, что на ней повисла остывшая капля мѣди, не сплавивъ однакоже при этомъ даже лоскута сукна, на коемъ пуговица еще держалась!

Грозница эта, или электричество, даетъ иногда тучкамъ и самому воздуху внезапное движенье, вовсе отличное отъ простыхъ вѣтровъ, движенье коловратное, колесомъ, кругомъ, и при томъ снизу вверхъ, какъ бы витушкой; въ маломъ видѣ, всякій изъ насъ самъ видѣлъ это, глядя на столбъ пыли, который, кружась и

вздымаясь, мчится по дорогѣ, или по–полю; это *вихрь, заверть*, круговой вѣтеръ, вздымающій пыль столбомъ и уносящій солому, листья и что изъ легкихъ вещей ему попадается по дорогѣ, высоко на воздухъ. Размѣры и самая сила такого вихря бываютъ весьма различны; иногда въ немъ всего нѣсколько сажень поперечнику и онъ проходитъ не болѣе десятковъ сажень дугою, и въ глазахъ нашихъ разсыпается, роняя на мѣстѣ весь запасъ разнаго сору, набраннаго имъ по пути; иногда онъ занимаетъ въ ширину десятки сажень и бываетъ крайне свирѣпъ, уноситъ большія тяжести, ломаетъ все по пути, набираетъ воду, если по ней проходитъ, и зовется *смерчемъ*; еще въ гораздо большихъ размѣрахъ круговоротный вѣтеръ неистовой силы зовется *ураганомъ*, который сокрушаетъ и сноситъ на пути своемъ все, и лѣса, и зданія, не только корабли. Опять–таки пишущій это былъ свидѣтелемъ въ Севастополѣ, въ 1820–году, опустошенію въ городѣ и окрестностяхъ его *сухимъ смерчемъ*, т. е. жестокимъ вихремъ,

или ураганомъ въ 50 сажень поперечника: смерчъ, въ видѣ чернаго столба, нашелъ съ юга и прошелъ черезъ городъ и сѣверную бухту, гдѣ, со страшнымъ гуломъ и свистомъ, насосался воды, и разбился на крутомъ подъемѣ изъ бухты въ гору, на каменоломняхъ, обрушивъ заливъ и засыпавъ ихъ. На пути своемъ, онъ перешелъ черезъ каменныя казармы, снялъ желѣзную крышу на 50 саж. шириною, сдѣлалъ съ обоихъ концевъ по трещинѣ въ каменныхъ стѣнахъ, поднялъ часоваго, который думалъ спастись въ будкѣ, вмѣстѣ съ нею на воздухъ, и бѣдный часовой, выскочивъ изъ будки, переломилъ себѣ ногу; на базарѣ, смерчъ этотъ засталъ врасплохъ множество торговокъ съ горами арбузовъ, развалялъ и раскаталъ и бабъ, и арбузы по всему базару; въ слободкѣ не только срывалъ, унося ихъ на сотни сажень, цѣлыя крыши, но и цѣлыя мазанки; искалѣчилъ нѣсколькихъ человѣкъ, помыкая ими какъ тряпицей; искудлачилъ большую дворовую собаку, ЗАВИВЪ ЕЙ КОСМАТУЮ ШЕРСТЬ ВЪ КУДРИ, БУДТО ОНА

ПРИЧЕСАЛАСЬ, СОБИРАЯСЬ НА БАЛЪ, И НАКОНЕЦЪ ВЫКОРЧЕВАЛЪ ДЕРЕВЬЯ ВЪ УШАКОВОЙ–БАЛКѢ (ГОРОДСКОЙ САДЪ), ПОЛОСОЮ ВЪ 50 САЖ. ШИРИНЫ. МНОГО ДОВОЛЬНО КРУПНЫХЪ вещей, доски, лавки, столы, цѣлый тележный кузовъ, были подняты высоко на воздухъ, кружились тамъ, ясно указывая коловратное движенье смерча витушкой къ верху, и наконецъ обрушилось вмѣстѣ со смерчемъ, верстахъ двухъ или болѣе, въ сѣверныхъ каменоломняхъ, гдѣ разореные жители въ слѣдующіе дни собирали свой бѣдный скарбъ. Къ сему можно еще прибавить, что сухой смерчъ или столбовой вихрь иногда разрывается пополамъ, какъ бы перекручиваясь, нижняя половина опадаетъ затихая, а верхняя свертывается комомъ и уносится тучкой; по всей вѣроятности тучка эта долго еще продолжаетъ кружиться, несясь по общему направленію вѣтра, и она–то можетъ уносить далеко съ собою захваченныя пяткою смерча и унесенныя въ голову его вещи, оборонивъ ихъ внезапно тамъ, гдѣ лишается круговоротной силы

своей, отъ причинъ, намъ также мало извѣстныхъ, какъ и самое внезапное появленье этой силы.

Вотъ самое простое и правдоподобное объясненіе явленій такого рода, какъ то, которое произошло нынѣ у насъ въ Калужской губерніи. Толкованье это тѣмъ вѣроятнѣе, что бывали случаи, гдѣ вмѣстѣ съ дождемъ, какъ здѣсь со снѣгомъ, падало множество лягушатъ или мелкой рыбы: въ семъ случаѣ, какъ надо полагать, водяной смерчъ, подходя къ берегу, гдѣ всегда держится малявка или мелкая рыбка, захватывалъ ее съ собою, и поднявшись тучкою, высыпалъ рыбу на материкъ, иногда въ большомъ разстояніи отъ рѣкъ или озеръ. Можно бы еще прибавить извѣстное ученымъ наблюденье, что грозы нерѣдко способствуютъ внезапному рожденью множества насѣкомыхъ, почему, послѣ сильной грозы, вдругъ являются цѣлыя поколѣнія вновь порожденыхъ мотыльковъ.

Дѣло, какъ видится, этимъ объясняется: стало быть вихрь, смерчъ, ураганъ

подхватываетъ груду червей или гусеничекъ въ одномъ мѣстѣ, уноситъ ихъ въ облако, и роняетъ тамъ, гдѣ тучка эта разсыпается. Коли смерчъ подымаетъ часоваго съ будкою, то онъ конечно можетъ унести съ собою и нѣсколько возовъ гусеницъ, въ этомъ нѣтъ спору; но, остается еще рѣшить, вотъ что: гдѣ смерчъ этотъ отыскалъ цѣлую громаду однородныхъ гусеничекъ, либо лягушатъ, и почему онъ подобралъ ихъ однихъ, не захвативъ съ собою и хворосту, дрязгу, тины или сухой листвы и сухой, легкой ветоши, коей обыкновенно и слѣду нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ выпалъ червь? Этого ученые намъ доселѣ не объяснили.

В. И. ДАЛЬ.